

Одной из главных сторон деформации является потеря способности к самооценке, происходит огрубление чувств, развивается черствость, конфликтность, раздражительность, нарастает неуравновешенность, так называемая «невротизация личности». С другой стороны, явно снижается ориентировочная активность познавательных функций.

Согласно результатам экспериментального исследования 2014 г., на территории Дергачевской исправительной колонии № 109 нами были получены следующие результаты. Опрос практических сотрудников исправительной колонии, непосредственно заместителя начальника исправительной колонии по воспитательной работе с осужденными, показал, что под профессиональной деформацией ими понимаются изменения личностных качеств работников исправительных учреждений под воздействием условий их работы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что под влиянием негативных факторов среды у сотрудников исправительных учреждений постоянно снижается требовательность к себе, своим поступкам, действиям, решениям. Наблюдается также снижение доброжелательности, коммуникативности, снижение положительного эмоционального отношения ко всем людям, как и к осужденным. При этом повышаются агрессивность, раздражительность, негативизм, обидчивость, подозрительность. Все эти изменения побуждают развитие чувства вины.

Согласно полученным результатам исследования можно констатировать, что категория сотрудников пенитенциарной системы является уязвимой и нуждается в постоянном социально-психологическом сопровождении.

Список использованных источников

1. Беляева, Л.И. Психологические особенности экстремальных ситуаций правоохранительной деятельности / Л.И. Беляева // Прикладная юридическая психология / под ред. А.М. Столяренко. – М., 2001. – С. 531–533.
2. Зимбардо, Ф.-Дж. Стэнфордский тюремный эксперимент / Ф.-Дж. Зимбардо // Эксперименты жизни. – СПб., 2007. – С. 4–23.
3. Панкин, И.Н. Личная безопасность сотрудников внутренних дел: тактика и психология безопасной деятельности / И.Н. Панкин. – М., 1996. – С. 96–98.
4. Ушатиков, А.И. Пенитенциарная психология: Программа для вузов МВД / А.И. Ушатиков. – Рязань, 1995. – 224 с.
5. Грибов, В.В. В тюремном интерьере / В.В. Грибов // Ветеран. – 2003. – № 5 (718). – С. 14.
6. Буданов, А.В. Профилактика профессиональной деформации работников ИТУ как фактор, способствующий соблюдению и укреплению законности в деятельности исправительных учреждений / А.В. Буданов // Проблемы совершенствования деятельности психологической службы в ИТУ : сб. ст. / под ред. А.В. Пилешко. – М. : Домодедово, 1996. – С. 42–43.

УДК 796.8

А.Н. Кузьмин, кандидат психологических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ АКМЕОЛОГИИ МАСТЕРСТВА РУКОПАШНОГО ПРОТИВОБОРСТВА

Актуальной проблемой подготовки кадров для правоохранительной деятельности остается необходимость научного объяснения причин ошибок и сбоев, допускаемых личным составом в условиях пресечения противоправных действий и силового задержания правонарушителя. Психологические аспекты данного рода правоохранительной деятельности в их экстремальных проявлениях относятся к психогенным факторам летального характера. Преимущественно возникая непосредственно в условиях стрелкового и/или рукопашного противоборства, последние могут сохранять свой отрицательный для личности потенциал в качестве посттравматического стрессового расстройства достаточно длительное время.

Результаты психологических исследований позволяют сделать вывод, что основное противоречие между результатом специальной подготовки специалиста органов внутренних дел и реализацией достигнутого уровня профессионализма в практике служебно-боевой деятельности может быть выражено следующим образом: хотя абсолютное большинство сотрудников успешно выполняют требования и нормативы наставлений по физической и огневой подготовке, а также успешно аттестовываются по тактико-специальной подготовке, уровень подготовленности конкретного сотрудника оказывается существенно недостаточным в моделируемых или реальных условиях рукопашного и/или стрелкового противоборства, т. е. в тех ситуациях, где возникает активно противодействующий противник (правонарушитель). Ни в одном из наставлений и учебных предметах служебно-боевого цикла не ставится учебная задача по практическому моделированию особой деятельности стрелкового и/или рукопашного противоборства.

Актуальная проблема «человеческого фактора», по сути своей находящаяся в сфере психологической природы человека, не имеет решения в рамках того методологического, концептуального, учебно-методического, структурно-содержательного, организационно-штатного, и в целом всего ресурсного обеспечения, используемого для декларируемых целей служебно-боевой подготовки. В самом кратком виде данное противоречие может быть выражено как попытка решения психологических по своему существу проблем средствами, относящимися к механистической области знания.

Но внутри парадигмы механицизма невозможно объяснить отличие между движениями пловца, выполняемыми лежа на лавочке, и реально используемыми в воде; между вращением педалей на велотренажере и при реальном движении на велосипеде. Не улавливается здесь различие между выполнением упражнений стрельбы по безответной мишени и деятельности при встречном огневом противоборстве, между выполнением боевых приемов борьбы на манекене в виде несопротивляющегося партнера и их применением в реальном рукопашном противоборстве.

Уменьшение объема научно отражаемой действительности в ее рефлекторно-дуговой модели привело практику в концептуальный тупик. Отведение в рефлекторном акте решающей роли только одному из элементов – третьему звену, т. е. самому проявленному движению, – минимизирует значение центрального психического элемента. Вследствие такой минимизации исключается практически вся сфера психологического содержания деятельности, в том числе ее составляющая в виде информационной, ориентировочно-поисковой деятельности субъекта, поэтому в наставлениях отсутствуют цели и задачи решения проблем активности многоуровневого отражения экстремальных условий деятельности в сознании субъекта, а также достижения должного уровня саморегуляции и продуктивности противоборства в условиях экстремальной информационной неопределенности. Иными словами, отсутствует акмеологическая составляющая, выражающаяся в принципе развития, в частности профессионализма, от начального уровня до уровня мастера: в течение всей службы сотрудник с периодичностью в полгода в процессе физической подготовки осваивает одни и те же односторонние приемы, в огневой подготовке – одни и те же односторонние стрелковые упражнения.

По нашему мнению, актуальным основанием реформирования подготовки к особой деятельности противоборства является парадигма психологического детерминизма, ведущая свой отсчет с момента опубликования Н.А. Бернштейном учения о «рефлекторном кольце», «сенсорных коррекциях», «живом движении», «уровнях построения движения», принципе «активности» и др. Данное учение органично вошло в теорию деятельности А.Н. Леонтьева, а также легло в основу теории оперативности образа Д.А. Ошанина.

Интеграция указанных теорий в системе координат, образованных теорией саморегуляции, интенсивно разрабатываемой в последние два десятилетия, теории стресса Г. Селье, единой теории психических процессов Л.М. Веккера, а также понимание значения функционирования низших уровней психического отражения в регуляции деятельности, установленных исследованиями А.Н. Гусева, позволяют раскрыть

психологическое содержание стресса и определить многоуровнево-иерархический механизм достижения устойчивости особой деятельностью в экстремальных условиях противоборства.

Таким образом, только с появлением реальной модели противника возможно объективирование психогенных факторов, которые остаются не пережитыми субъектом специальных видов подготовки, и потому неизвестными для него в чувственно-практическом плане. Следовательно, неизвестными остаются закономерные изменения как внутреннего мира субъекта, так и механизмов саморегуляции психических состояний и выполняемой особой деятельности. Соответственно, в структуре личности специалиста не происходит формирования новообразований акмеологического характера, возникающих и развивающихся только в процессе последовательного освоения субъектом иерархических уровней противоборства, моделирующих его с определенной степенью психологической адекватности и допустимости.

Результаты выполненных исследований позволяют прийти к выводу, что системная ошибка механистического содержания наставлений заключается в том, что они регламентируют достижение устойчивости выполняемых боевых приемов и действий путем волевого сохранения неизменности психологической сферы личности сотрудника органов внутренних дел, апеллируя в первую очередь к таким качествам, как мужество, стойкость, героизм, самоотверженность. Без всякого сомнения, данные качества крайне важны, особенно в том случае, когда их сущность определяется в системе координат психологии, а не только теории и методики физического воспитания или идеологической сферы.

Одним из уровней решения сформулированной проблемы может явиться положение, лежащее в русле логики эволюционной целесообразности процессуальности психического и позволяющее преодолеть механицизм предыдущего постулата: «Психический мир субъекта противоборства задачеобразно изменяется для обеспечения устойчивости выполняемой деятельности». Иными словами, посредством переноса активности с уровня самоконтроля на уровень полного контроля противника и складывающейся ситуации достигается необходимая продуктивность особой деятельности противоборства.

Сформулированный «психологизированный» подход к подготовке кадров для правоохранительной деятельности, как показывают эксперименты, позволяет направлять основные усилия не на бесконечное поддержание субъектом необходимого состояния общефизических качеств, умений и навыков выполнения приемов стрельбы и/или боевых приемов борьбы при отсутствии противника, а на формирование, развитие и совершенствование стрессоадекватного режима саморегуляции в экс-

тримальной деятельности противоборства. Следствием продуктивности саморегуляции является успешность технико-тактических действий субъекта в процессе ведения противоборства.

УДК 343.26

О.А. Осипенко, магистр педагогических наук

САМООЦЕНКА ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ СОДЕРЖАНИЯ ДЕТЕЙ, КАК ПРЕДИКТОР ИХ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИИ

Специфическим видом преступного поведения является уклонение родителей от содержания детей. Количество преступлений данного вида в последний период имеет отрицательные тенденции и занимает второе-третье место в структуре преступности в Республике Беларусь. Причем высок уровень его рецидива – более 40 %. К наиболее значимым криминологическим характеристикам субъектов данного преступления относятся наличие у преобладающего большинства из них алкогольной зависимости, уклонение от труда до осуждения, а также низкая профессиональная квалификация, основная возрастная группа в пределах от 30 лет и старше. Как известно, применение уголовной ответственности преследует цель исправления лиц, совершивших преступления, что в большей мере связано с их критическим отношением к преступлению, к тому образу жизни, который привел к его совершению, к личным качествам, в силу которых было совершено преступление. Это критическое отношение выступает важным признаком и предпосылкой переживания раскаяния и исправления личности. В этой связи самооценка осужденными своего деяния, образа жизни, личных качеств, приведших к совершению преступления, является важным предиктором эффективности исправительно-предупредительной функции наказания.

Для анализа проявления данного феномена у лиц, осужденных за уклонение от содержания детей, был проведен опрос. В опросе принимали участие 117 человек – 65 женщин и 52 мужчины, – отбывающих наказание в виде ограничения свободы в исправительных учреждениях открытого типа, которое наиболее часто назначается судами за указанный вид преступлений.

Опрос предусматривал изучение самооценки осужденными своего образа жизни, его перспектив, представлений о себе в плане социальной идентичности и в сравнении с другими людьми, рефлексивных представлений об отношении к себе других людей, а также по оценке

собственного эмоционального состояния (как индикатора удовлетворенности жизнью и собой). Результаты опроса анализировали с учетом гендерных различий.

Изучение оценки по удовлетворенности жизнью показало, что 50 % осужденных-мужчин испытывают неудовлетворенность жизнью и только 16,7 % ею удовлетворены. В то время как 31 % осужденных-женщин отмечали, что они вполне удовлетворены жизнью, 40 % – не испытывают неудовлетворенности, а неудовлетворены 29 %. При этом 32 % женщин отметили, что живут с нормальным настроением и лишь 18 % – с отрицательным. В то же время никто из мужчин не отметил, что живет с нормальным настроением, 16,6 % указали, что у них преобладает отрицательное настроение, а остальные 83,3 % отнесли ответы к критерию «бывает и хорошее и плохое настроение в равной мере». Показательной для интерпретации является оценка осужденными своей жизни по сравнению с жизнью других людей: 76 % женщин и 70 % мужчин, отбывающих наказание, отметили, что их жизнь не хуже и не лучше, чем у других людей, а 20 % мужчин считают, что их жизнь даже лучше, чем у других.

Что касается личных представлений о перспективе своего образа жизни, то ответы распределились следующим образом: 1) моя жизнь ведет к страданиям в будущем – считают лишь 10 % женщин и 6,6 % мужчин; 2) моя жизнь в будущем будет не легкой, но и без больших страданий – 20 % женщин и 83,4 % мужчин; 3) моя жизнь в будущем будет вполне нормальной – 70 % женщин и 10 % мужчин. Такая весьма позитивная оценка своего образа жизни и будущего обусловлена защитной доминантой. При этом, если осужденный критически не оценивает свой образ жизни, связанный с преступным поведением и злоупотреблением алкоголя, то у него не возникает побуждений к самоизменению. Это явление также говорит о том, что карательное влияние наказания в виде ограничения свободы не достигает своей предупредительной цели в отношении большинства осужденных рассматриваемой категории, поскольку преломляется в сознании осужденных под влиянием защитной установки, которая блокирует возникновение мотивации положительного изменения своего образа жизни. В то же время положительная самооценка жизни в настоящем и будущем без ее изменений приводит к самоутверждению в таком положении.

Заслуживают внимания ответы осужденных на вопросы, связанные с личной самооценкой. Только 5 % женщин и 16,6 % мужчин отметили, что они в большей мере люди отрицательные, чем положительные. Однако при этом 60 % опрошенных мужчин считают, что их личные каче-